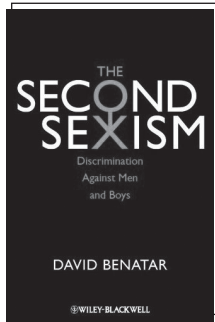
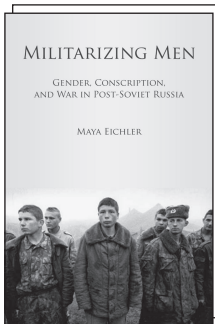

David Buchbinder. *Studying Men And Masculinities.* L.; N.Y.: Routledge, 2012. 216 p.

David Benatar. *The Second Sexism: Discrimination Against Men and Boys.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 304 p.

Maya Eichler. *Militarizing Men: Gender, Conscriptioin and War in Post-Soviet Russia.* Stanford: Stanford University Press, 2011. 256 p.

Данные монографии посвящены анализу современных маскулинностей и тех условий российского и западного общества, в которых они конструируются и воспроизводятся. В центре внимания их авторов оказываются различные явления, сопряженные с конструктом маскулинности: кризис маскулинности (Buchbinder), неправомерная дискриминация мужчин (wrongful discrimination) (Benatar) и милитаризация и военизированные маскулинности (militarization, militarized masculinities) (Eichler).

Данные монографии посвящены разным темам, их авторы по-разному подходят к анализу интересующих их явлений, но все три публикации являются ощутимым вкладом в дальнейшее развитие мужских исследований.

Книга Дэвида Бухбиндера — своего рода продолжение его предыдущей работы “Perfomance Anxieties: Re-producing Masculinity” [1998]. Обращаясь к произведениям поп- и массовой культуры, исследователь анализирует современный репертуар западных маскулинностей. Однако если его предыдущая книга была посвящена прежде всего пробелам в репрезентации маскулинностей и мужских сексуальностей современными текстами, кинематографом и СМИ, то в своей последней работе Бухбиндер пытается найти ответ на следующий вопрос: является ли широко обсуждаемый «кризис маскулинности» уникальным историческим явлением и инкорпорирован ли этот кризис в саму маскулинность? Ответ на первый вопрос исследователь дает уже в первой главе: нет, «кризис маскулинности» — явление не уникальное, мы можем обнаружить его практически в любой исторический период, о котором у нас имеется достаточно информации. В качестве доказательства он приводит разнообразные реакции, которые возникали в ответ на дискурс о кризисе маскулинности в разные периоды времени в различных обществах: от моральной паники до фашизма (Р. 7–17). С ответом на второй вопрос приходится труднее: он требует глубокого осмысления категории «маскулинность», чему исследователь и посвящает остальную часть своей работы.

Бухбиндер подробно рассматривает несколько ключевых теорий и понятий гендерных исследований, объясняющих феномен маскулинности и механизмы ее конструирования и воспроизводства. Их выбор во многом обусловлен тем, что исследователь стоит на позиции социального конструктивизма, а также тем значением, которое они в настоящее время имеют для гендерных и мужских исследований. Однако стоит отметить, что в центре внимания автора оказываются далеко не все, но наиболее «известные» или «популярные» (если так можно выразиться) теоретические подходы и концепции. Бухбиндер обращается к работам Гейл Рубин, Юлии Кристевой, Мишеля Фуко и его категориям дискурса, власти и противостояния, Роберта Коннелла и его классификации маскулинностей, Джудит Батлер и квин-теории. Используя категориальный аппарат и теоретические подходы, разработанные данными исследователями, автор монографии выдвигает не новый для гендерных и мужских исследований тезис о том, что маскулинность — это сложный социальный конструкт, неразрывно связанный с гендерной идеологией общества, ключевыми характеристиками

которого являются множественность и историчность¹. В качестве доказательства автор приводит результаты некоторых антропологических исследований и произведения классической и популярной культуры, в частности роман «Бойцовский клуб» Чака Паланика и одноименный фильм, снятый по его мотивам, роман «Орландо» Вирджинии Вульф, роман «Левая рука тьмы» Урсулы Ле Гуин, сагу о Гарри Поттере, сериал «Декстер» и др.

Кажущиеся на первый взгляд спорными такие особенности монографии, как подборка теорий, представленных в книге, характер иллюстративного и доказательного материала, отсутствие в тексте статистических данных и данных последних социологических исследований, по замыслу автора обусловлены тем, что книга предназначена для широкого круга читателей, в том числе и для тех, кто плохо знаком (или не знаком вовсе) с гендерными и мужскими исследованиями и / или социологией (Р. viii–x). Так, обращение к классическим и популярным текстам объясняется их доступностью и понятностью для любого читателя, а специфический подбор теорий — стремлением автора сузить фокус, так как мужские исследования являются довольно обширной областью научного знания, и побудить читателя к дискуссии и / или дальнейшим самостоятельным изысканиям. Однако оправданно ли сразу представлять вниманию плохо подготовленного (а то и неподготовленного вовсе) читателя таких непростых теоретиков гендерных исследований, как Джудит Батлер и Роберт Коннелл, и совсем не упомянуть вклад в развитие этой области академического знания таких исследователей, как Гоффман, Гарфинкель, Вест и Зиммерман? Стоит отметить, что поставленные перед книгой задачи автор решает не только с помощью содержания, но и с помощью формы. В конце каждого раздела приводится небольшой блок так называемых заданий (activity) — список вопросов, утверждений или задач, над которыми читателю предлагается поразмышлять, в конце каждой главы — небольшой список научной литературы, которую автор рекомендует для самостоятельного изучения.

Благодаря характеру материала, собранного в работе, и форме его подачи данная книга представляется скорее хорошим и качественным учебным пособием по маскулинности, нежели классической монографией, опубликованной по результатам научного исследования (как, например, работа Майи Айхлер,

¹ Множественность маскулинности выражается в том, что в обществе всегда представлено несколько моделей маскулинности; историчность маскулинности заключается в том, со временем различные модели маскулинности претерпевают изменения.

которая будет рассмотрена чуть позже). Она несомненно будет полезна тем, кто только знакомится с мужскими и гендерными исследованиями, но вряд ли откроет нечто новое для тех, кто уже давно работает в данной области академического знания. Неоспоримым достоинством работы является простое и понятное объяснение теорий и концепций, представленных в книге (эссенциализм vs социальный конструктивизм, гендер и идеология, квир-теория, фаллоцентризм и др.), и ключевых понятий, таких как «пол», «гендер», «сексуальность», «желание».

Монография Дэвида Бенатара, название которой предположительно является своеобразной репликой на книгу-эссе Симоны де Бовуар «Второй пол», посвящена дискриминации и сексизму в отношении мужчин и мальчиков. Тема эта сложная, «скользящая» и не самая популярная как в академической среде, так и в обществе. К ней обращаются редко и неохотно — чаще всего в публичных дебатах о неэффективности традиционного гендерного порядка в условиях современного постиндустриального мира, когда необходимо доказать тезис о том, что негативные последствия патриархата распространяются не только на женщин, но и на мужчин (пусть и не на всех). Однако спектр упоминаемых в подобных обсуждениях проблем и форм дискриминации, с которыми мужчины сталкиваются сегодня, очень мал. Чаще всего речь идет об ущемлении права отца на опеку над детьми в ситуации развода, обязательной военной службе и высокой смертности мужчин в развивающихся странах и меньшей продолжительности жизни мужчин в развитых. Другие формы либо не упоминаются, либо сознательно замалчиваются участниками дискуссий ввиду их чувствительности и / или недостатка информации о них (например, проблема сексуального насилия в отношении мужчин).

Кроме того, иногда в дискуссии апелляция к проблеме дискриминации мужчин вызывает некоторое недоумение ее участников, обусловленное тем, что мужчин до сих пор принято рассматривать преимущественно как доминирующую группу, которая ввиду занимаемого ими положения не может подвергаться дискриминации, или расценивается как попытка отвлечь внимание от проблем дискриминации женщин.

Осознавая всю сложность и многогранность феномена дискриминации мужчин и мальчиков, а также научных и общественных дебатов на эту тему, Бенатар в своей работе старается подойти к анализу данного явления максимально основательно и аккуратно. Прежде всего, он пытается предвосхитить возможные обвинения в свой адрес в отрицании дискриминации и сексизма в отношении женщин, в антифеминистских взгля-

дах и консерватизме и потому во введении довольно подробно объясняет свою позицию по вопросам феминизма, равноправия полов и изучаемой проблемы. Помимо этого во введении Бенатар представляет разработанный им в рамках данного исследования категориальный аппарат, чрезмерная детализация которого также, по-видимому, служит стремлению автора избежать несправедливых обвинений и критики со стороны феминисток в недостаточной гендерной чувствительности в вопросах дискриминации по признаку пола.

Автор вводит и различает такие понятия, как «второй сексизм», «неблагоприятное положение» (disadvantage), «дискриминация», «неправомерная дискриминация» (wrongful discrimination). К сожалению, однозначных и четких определений этих терминов он не дает, хотя и старается объяснить их с помощью различных (не всегда удачных) примеров (Р. 2–5). Так, ситуацию, когда у мужчины, больного гемохроматозом¹, не идут месячные, по мнению Бенатара, стоит расценивать как неблагоприятное положение / состояние мужчины (disadvantage). Неблагоприятное положение / состояние отличается от дискриминации тем, чем последняя обусловлена некоторой деятельностью (индивидов, институтов или государства), социальной структурой или практиками (Р. 3), в то время как неблагоприятное положение — это скорее нечто предзаданное, например физиология.

Далее стоит различать дискриминацию и неправомерную дискриминацию. Там, где обычная дискриминация может быть оправданна, неправомерная дискриминация морально недопустима (Р. 3). Например, если страховка мужчины в отличие от страховки женщины не включает процедуры по диагностике рака груди, то это дискриминация, однако назвать такую дискриминацию неправомерной нельзя, так как подавляющее большинство больных раком груди — женщины. Если же учитель сознательно занижает оценку ученику того или иного пола — это уже неправомерная дискриминация. В свою очередь, неправомерная дискриминация по признаку пола — сексизм (Р. 3–5). При этом первый сексизм (first sexism) — это сексизм в отношении женщин, а второй сексизм — это сексизм в отношении мужчин и мальчиков (Р. 11).

¹ Гемохроматоз — это «наследственное заболевание, при котором у человека наблюдается повышенная усвояемость и избыточное накопление железа в организме. Это приводит к повреждению и нарушению функции многих органов, в том числе печени, поджелудочной железы и эндокринных желез. Основными проявлениями заболевания являются бронзовая окраска кожи, сахарный диабет и печеночная недостаточность. Избыточное железо может быть удалено из организма с помощью кровопускания или путем назначения больному хелатирующих веществ» [Большой толковый медицинский словарь 2001].

Категориальный аппарат, представленный в монографии, производит двоякое впечатление. С одной стороны, понятна попытка автора разграничить и детально операционализировать довольно близкие понятия. Бенатар стремится максимально четко обозначить предмет и границы своего исследования. С другой стороны, большинство терминов вызывает вопросы. Приемлемо ли в общем рассуждать о физиологических различиях полов в категориях преимущество — недостаток? Можем ли мы оценивать вне определенного контекста наличие или отсутствие тех или иных функций организма как неблагоприятное состояние?

Вызывает сомнения и целесообразность употребления в работе термина «неправомерная дискриминация». Сказать, что данный термин часто употребляется в общественных науках как западными, так и российскими исследователями, нельзя. Возможно, это связано с тем, что чаще всего вполне достаточно термина «дискриминация», который обозначает то же самое явление, что и «неправомерная дискриминация» в определении Бенатара, однако не содержит в себе скрытой тавтологии. В общественных науках под дискриминацией принято понимать «умаление (фактически или юридически) прав какой-либо группы граждан по мотивам их национальности, расы, пола, вероисповедания и т.п.» [Большой энциклопедический словарь 2008], «несправедливое или предвзятое отношение к различным категориям людей, особенно по признаку расы, возраста или пола» [Oxford Dictionaries 2013]. В этой связи не совсем понятно, как *несправедливое* или *предвзятое* [здесь и далее курсив мой. — А.А.] отношение к определенной группе людей по признаку их половой принадлежности может быть «морально приемлемым» (Р. 3), допустимым или неправомерным. И почему в случае со страховкой и покрытием процедур по диагностике рака груди (пример различия дискриминации и неправомерной дискриминации, упомянутый выше) автор считает дискриминацию мужчин оправданной, хотя рак груди не является исключительно женским заболеванием?

К сожалению, чрезмерная детализация и неоднозначные, а порой и откровенно спорные логические операции и рассуждения — проблема не только вводной части монографии, но всей книги в целом. Такие безусловные достоинства данной работы, как качественный мета-анализ, обращение преимущественно к первичным источникам и разнообразный и интересный материал теряются за многочисленными размышлениями и комментариями автора (например, о возможном росте эффективности боевых подразделений, если в их состав включить женщин-добровольцев (Р. 106–109)), которые вместе со слож-

ной для восприятия структурой текста постоянно уводят читателя в сторону.

В рамках достижения заявленной цели монографии — привлечь внимание к проблеме сексизма в отношении мужчин — Бенатар сначала обращается к тем сферам, в которых мужчины чаще всего оказываются в ущемленном положении (disadvantaged). Он выделяет воинскую повинность и участие в боевых действиях, насилие, телесные наказания, сексуальное насилие, обрезание, образование, права отцов, телесную неприкосновенность, продолжительность жизни, содержание под стражей и смертную казнь. Далее он рассматривает причины, по которым мужчины оказываются ущемленными в данных сферах, и доказывает, что такое положение мужчин является следствием их неправомерной дискриминации. Затем он отвечает на возможные возражения противников идеи о существовании дискриминации мужчин и мальчиков и выражает свое (к слову, негативное) отношение к аффирмативным действиям как методу борьбы против неправомерной дискриминации и сексизма. В заключение подводит итоги.

Такая структура подачи материала представляется довольно громоздкой, так как вынуждает автора неоднократно повторять некоторые тезисы и аргументы, а также делать многочисленные отсылки к положениям в разных разделах монографии. Возможно, достижению поставленной цели больше способствовала бы не многоуровневая, а линейная логика изложения материала. Если бы автор последовательно рассматривал каждую форму дискриминации и сексизма, включая возможные возражения против признания ее таковой, причины, последствия и т.п., это в значительной мере облегчило бы читателю восприятие представленного в работе материала и ориентацию в нем.

После прочтения этой книги остаются довольно смешанные чувства. С одной стороны, данная работа посвящена интересной и актуальной теме, о которой мало кто решается говорить столь прямо и откровенно (помимо критиков феминизма, в частности Кристины Хофф Соммерс), как это делает Дэвид Бенатар. Кроме того, как уже было отмечено ранее, в ней представлен качественный анализ различных данных, результаты которого являются убедительным доказательством позиции автора по вопросу дискриминации мужчин и мальчиков. С другой стороны, в книге отсутствует описание теоретической рамки и методологии исследования. В совокупности с другими недостатками публикации (непростая структура изложения материала, чрезмерная детализация тезисов, аргументов и ка-

тегориального аппарата, неоднозначность некоторых логических операций) создается впечатление, что автор не столько представляет результаты своего научного исследования, сколько пытается доказать свою точку зрения противникам идеи о дискриминации мужчин и дискутирует с радикальными феминистками.

Третья книга «Военизируя мужчин: гендер, воинская обязанность и война в постсоветской России» Майи Айхлер представляет результаты исследования процесса милитаризации (*militarization*) и военизированных маскулинностей (*militarized masculinities*) в постсоветской России, которое проводилось в Самаре методом глубинного полуструктурированного интервью. Всего было проведено 24 интервью с солдатскими матерями, призывниками-уклонистами и ветеранами чеченских и других войн. Выбор территориальных рамок исследования был обусловлен желанием Айхлер избежать главного недостатка многих западных исследований в этой области — сосредоточенности исключительно на центральных и наиболее заметных организациях солдатских матерей Санкт-Петербурга и Москвы. Обращение к организациям этих двух городов, по мнению исследовательницы, дает несколько искаженное представление о гендере и милитаризации в постсоветской России ввиду того, что негосударственные московские и петербургские организации чаще всего так или иначе взаимодействуют с западными организациями и таким образом подвергаются влиянию западных идей. Целью же исследования Айхлер была проанализировать, как российские *региональные* негосударственные объединения выражают свое отношение к армии и сопряженным с ней процессам.

Еще одной причиной, по которой исследование проводилось в Самаре, послужил тот факт, что войска Самарского военного округа принимали участие в обеих чеченских кампаниях, и потому в Самаре представлены многочисленные местные и региональные организации по работе с ветеранами этих войн. В центре внимания исследовательницы оказываются сложные «отношения между мужскими идентичностями и российской государственной политикой военной службы по призыву и военными действиями в Чечне». Айхлер интересуется, как государство и военные лидеры, с одной стороны, и социетальные акторы и отдельные индивиды, с другой стороны, воспроизводят или оспаривают / опровергают связь между маскулинностью и армией в постсоветской России.

Одним из последствий масштабных социально-политических и экономических трансформаций, которые Россия переживала после падения коммунистического режима и распада Совет-

ского Союза, стало изменение гендерного порядка. Под влиянием новых рыночных механизмов и либеральной идеологии возникли новые практики повседневности, гендерные роли, идеологии и контракты, произошло переосмысление нормативных моделей советской мужественности и женственности [Темкина, Роткирх 2002; Пушкарева 2012]. Гегемонная советская маскулинность, основополагающей идеей которой было служение Родине (государству) и защита отечества [Здравомыслова, Темкина 2002], перестает быть доминирующей моделью. На смену ей приходят новые модели, в рамках которых мужская идентичность оказывается неразрывно связанной с рыночной экономикой [Шевченко 2002].

В результате этого, как отмечает Айхлер, государство, утратившее лидирующую роль в конструировании гендерного порядка, столкнулось с серьезными проблемами в сфере милитаризации. Это нашло отражение в росте числа дезертиров, уклоняющихся от обязательной военной службы, и активистов-противников воинской службы по призыву и военных действий, в частности солдатских матерей. Связь между мужским гражданством и службой в армии ослабла.

Под милитаризацией исследовательница понимает «процесс, в рамках которого происходит установление и усиление центральной роли армии и военных в государстве и обществе». При этом центральную роль армии и военных своими действиями и верой поддерживают политики, общество и отдельные индивиды. В постсоветской России этот процесс начался относительно поздно — в первом десятилетии XXI в., в период правления президента Владимира Путина, и совпал с началом второй чеченской кампании.

Однако Айхлер рассматривает не только период ремилитаризации времен второй чеченской кампании. Она анализирует, как постепенно изменяются государственная политика милитаризации и отношение общества к ней в советское время. В центре ее внимания оказываются те вызовы, с которыми советская политика милитаризации и военизированные маскулинности сталкиваются накануне и в первое время после распада Советского Союза в результате политической деятельности Горбачева и войны в Афганистане.

Стоит отметить, что особое внимание Айхлер уделяет анализу обеих чеченских войн. Исследовательница изучает их последствия, рассматривает их причины и ход военных действий, что позволяет лучше понять механизмы влияния обеих кампаний на трансформацию государственной идеологии и отношения общества к армии и военным, а также сопряженным с ними

явлениям, таким как воинская обязанность, служба по контракту, ветераны и т.п.

Сказать, что представленный анализ совсем не вызывает вопросов и критических замечаний, нельзя. Так, в частности, не совсем понятно, почему Айхлер практически никак не упоминает дискурс о геноциде нечеченского населения в Чечне в начале 1990-х гг. [Маркедонов, Силаев 2005], хотя было бы интересно проследить, во-первых, когда он впервые возникает, а во-вторых, как и когда использовался политиками. Между тем очевидно, что исследовательница пыталась быть максимально объективной и критически осмыслять имеющиеся данные.

Исследование показало, что ни первая, ни вторая чеченская война (хотя вторая и получила большую общественную поддержку) ожидаемых результатов не дали и мобилизовать молодых людей не смогли. Вместо этого они обнаружили многочисленные противоречия между государственной политикой милитаризации и отношением к ней различных социальных групп.

Анализ полученных данных обнаружил, что в постсоветской России одновременно происходят два разнонаправленных процесса: демилитаризации и ремилитаризации. С одной стороны, воинская служба по призыву до сих пор не отменена (хотя по пути отмены пошли многие западные страны), с другой — связь патриотизма и службы в армии в общественном сознании ослабевает. Участие в боевых действиях и дедовщина воспринимаются многими как воинская инициация, но они также являются причиной, по которой молодые люди не хотят служить в армии. В то время как группы солдатских матерей в Санкт-Петербурге и Москве борются против воинской службы по призыву, региональные группы солдатских матерей воспроизводят военизированные маскулинности, призывая молодых людей служить, а их матерей — поддерживать их в этом.

Противоречивость процессов, происходящих в постсоветской России, находит отражение и в тех социальных, экономических и политических последствиях военной службы в горячих точках, с которыми столкнулись бывшие участники боевых действий в Чечне в период с 1994 по 1996 и с 1999 по 2009 гг. после того, как вернулись домой. Материалы исследования Айхлер показывают, что ветераны первой и второй чеченской войны оказались в довольно непростой ситуации. Проходя службу в армии и участвуя в боевых действиях, они выполняли свой гражданский долг, однако по возвращении в мирную

жизнь не получили должного признания ни со стороны общества, ни со стороны государства. Они испытывали сложности с трудоустройством и в личной жизни и долгое время не получали выплат и льгот, положенных им как ветеранам.

Данная монография несомненно будет интересна социологам и специалистам в области гендерных, мужских и других исследований, так как представляет результаты качественного исследования постсоветских военизированных маскулинностей и механизмов их конструирования и воспроизводства в рамках процессов ре- и демилитаризации. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день вопросы, связанные с маскулинностью военных и ветеранов военных действий конца XX — начала XXI в., все еще остаются мало изученными. Российские и западные исследователи уделяют довольно много внимания российской семейной политике и трансформации женского гражданства, в то время как вопросы милитаризации общества и мужского гражданства остаются в тени.

В заключение хотелось бы отметить, что данные публикации, рассмотренные вместе, дают нам некоторое представление о нынешнем векторе развития мужских исследований. Они представляют своеобразный срез актуальных на сегодняшний день исследовательских задач и проблем, с которыми сталкиваются исследователи. Так, работа Дэвида Бухбиндера показывает, что с развитием гендерных и мужских исследований следует переосмыслить и заново анализировать некоторые, казалось бы, хорошо знакомые нам явления, которые всегда были неразрывно связаны с феноменом маскулинности. Изыскания Дэвида Бенатара обнаруживают бедность и недостаточную проработанность языка мужских исследований и высокую чувствительность некоторых тем, что в значительной мере осложняет публичные обсуждения ряда вопросов, а работа Майи Айхлер — существование в мужских исследованиях белых пятен, явлений и феноменов, о которых мы имеем весьма скудное представление.

Библиография

- Большой толковый медицинский словарь. Основные термины и понятия по медицине. М.: Вече, АСТ, 2001 Т. 1. А–М. <<http://www.medsrv.ru/html/g/gemohromatoz.html>>.
- Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ, Астрель, 2008 <<http://www.vedu.ru/bigencdic/19171/>>.
- Здравомыслова Е., Теткина А.* Кризис маскулинности в постсоветском дискурсе // Ушакин С. (ред.). О муже(Н)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.

- Маркедонов С., Силаев Н.* Кавказский фронт // Дружба народов. 2005. № 7. С. 171–188.
- Пушкарева Н.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23.
- Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
- Шевченко О.* «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»: утверждая мужественность технической интеллигенции // Ушакин С. (ред.) О муже(Н)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 288–302.
- Buchbinder D.* Performance Anxieties: Reproducing Masculinity. Sydney: Allen & Unwin, 1998.
- Oxford Dictionaries. Oxford: Oxford University Press. 2013. <<http://oxforddictionaries.com/definition/english/discrimination>>.

Анна Авдеева

«Не любопытства ради, а познания для...» К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / Н.А. Дубова, Ю.Н. Квашнин (ред.). М.: Старый сад, 2011. 411 с.

Елена Геннадьевна Федорова
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
elenfed@kunstkamera.ru

Каждый из нас на протяжении своей жизни встречает разных людей: это обычные люди и Личности, которые притягивают к себе как своим профессиональным авторитетом, энциклопедическими знаниями, так и многими другими чертами, выделяющими их из общей массы — разнообразием интересов, особым чувством юмора, искренней способностью помогать другим. К числу таких Личностей относился и Юрий Борисович Симченко (1935–1995), к 75-летию которого его друзья, коллеги и ученики подготовили сборник, содержащий научные статьи и воспоминания об этом выдающемся человеке.

Юрий Борисович Симченко родился 22 августа 1935 г. в Москве, учился на композиторско-дирижерском отделении Московской консерватории, закончил Московский историко-архивный институт, во время обучения в котором прослушал еще и курсы на кафедре археологии МГУ. С 1961 г. до своей смерти 30 января 1995 г. он работал в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР / Институте этнологии и антропологии РАН, руководил Координационно-методологическим центром прикладной и аудиовизуальной этнографии в этом институте. В общей сложности десять лет он провел в различных экспедициях [Савоскул, Соколова 1995: 168–170].

Ю.Б. Симченко — доктор исторических наук, член Российской академии естественных наук, член союза писателей, почетный полярник. Он создатель серьезных научных трудов, среди которых особо выделяются монографии о тамгах народов Сибири как историко-этнографическом источнике [Симченко 1965], культуре охотников на дикого оленя Северной Евразии [Симченко 1976], культуре нганасан [Симченко 1992; 1993а; 1996], статьи о социальной организации, этногенезе и этнической истории народов Севера Сибири [Симченко 1970а; 1970б; 1970в; 1970г; 1974; 1975; 1980а; 1980б; 1982]. Одна из его работ, «Ревитализация традиционных верований народов Северной Азии» [Симченко 1993б], подготовленная на рубеже 1980–1990-х гг. и посвященная религиозной ситуации в разных регионах Сибири в XVIII–XX вв., переиздается в рецензируемом сборнике (С. 76–97). Она особенно актуальна в постсоветский период, когда у народов Сибири начался процесс, который стали называть «возрождением традиционной культуры», что подразумевает также возрождение традиционных верований и обрядов.

Ю.Б. Симченко был еще и инициатором подготовки серии этнографических трудов, получившей название «Народы и культуры». По его же предложению стали издаваться «Материалы к серии “Народы Советского Союза”», «Материалы к серии “Народы и культуры”», альманах «Российский этнограф», альманах «Библиотека Российского этнографа», где он был в числе ответственных редакторов.

Рецензируемый сборник состоит из двух разделов: «Отца Егория Деянья» и «Просторы родной стороны». Его предваряет вступительное слово, написанное В.А. Тишковым, а завершает список публикаций Ю.Б. Симченко. Всего в сборнике двадцать статей, подготовленных в основном этнографами — сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). В нем приняли участие и этнографы, историки, культурологи, лингвисты,

фольклористы, краеведы из других учреждений страны. В сборнике публикуются и статьи сотрудников МГУ им. М.В. Ломоносова, физиков по профессии, принимавших в 1970–1980-х гг. участие в экспедициях Института этнографии.

«Отца Егория Деянья» — это название исторической поэмы, написанной Ю.Б. Симченко вместе с его другом О.Г. Сорокиным [Симченко, Сорокин 1991]. Оно как нельзя лучше отражает содержание первой части сборника, включающей в себя как воспоминания о Ю.Б. Симченко, так и размышления о состоянии отечественной науки.

Статьи написаны по-разному, в зависимости от того, что связывало их авторов с Юрием Борисовичем, насколько тесными были их отношения. Так, М.Н. Губогло, друживший с Ю.Б. Симченко со студенческих времен, сравнивает его с другим своим другом, Ю.И. Мкртумяном (1939–2005), пишет о той большой роли, которую сыграли в его жизни, а также в науке эти два выдающихся человека. Он называет их маяками и кумирами этнологического пространства (С. 11).

О необыкновенной отзывчивости, об умении общаться с людьми, помогать им, о других человеческих качествах Ю.Б. Симченко, вызывавших к нему всеобщее уважение, говорит физик А.В. Гетлинг, участник экспедиций Института этнографии 1970–1980-х гг. Для этнографа Ю.Н. Квашнина Юрий Борисович — Учитель, с помощью которого он выбрал путь исследователя Севера. Воспоминания о Ю.Б. Симченко как о человеке и ученом, вдохновителе многих начинаний его коллег содержатся и в статьях другого раздела. О нем пишут З.П. Соколова (С. 98–99), В.В. Карлов (С. 151–154), Н.А. Дубова (С. 218–227) и др.

Еще две статьи этого раздела — «По стопам землепроходцев» (П.М. Кожин) и «Таймырские вехи в научном наследии Ю.Б. Симченко и Г.М. Афанасьевой» (Л.А. Чурилова) в большей степени посвящены научной деятельности Ю.Б. Симченко.

П.М. Кожин анализирует ряд идей, высказанных в книге Ю.Б. Симченко «Культура охотников на дикого оленя Северной Евразии», определяя это сочинение как сложную полифакторную модель специфической этнической культуры, при создании которой ее автор использовал данные и методы археологических, этнологических / этнографических, антропологических и лингвистических исследований (С. 46). В научном и методологическом плане для того времени, с его установками, отвергавшими роль географического детерминизма в исторических и этнокультурных процессах, это был прорыв.

П.М. Кожин характеризует фон, который способствовал возникновению в гуманитарных исследованиях проблем методологического плана (С. 46–49). Он пишет: «Очень много времени требуется для приведения в соответствие и упорядоченное состояние *всей системы гуманитарных знаний*, чтобы дальнейшее развитие их обрело уравновешенный рациональный характер» (С. 49; выделено автором. — *Е.Ф.*).

Другой аспект научного наследия Юрия Борисовича Симченко, а также его жены Галины Михайловны Афанасьевой, к сожалению, тоже умершей, рассматривается в статье Л.А. Чуриловой (С. 67–75). Речь идет о значении их трудов, публикаций других исследователей в жизни музейных работников, при подготовке музейных экспозиций. Л.А. Чурилова пишет: «Современные автохтоны переживают не самое лучшее время своего исторического существования. Отсутствуют институты, которые могли бы предотвращать кризисные явления во всех сферах социума, восстанавливать механизм межпоколенных связей. Практически единственный социальный институт — музей — в силу выполнения предназначенных ему историей функций способен заинтересовать нганасан “возвращенной” им наукой генеалогией, соединяя рвущуюся связь поколений» (С. 68–69). Нельзя не отметить, что сказанное актуально не только для нганасан, но и для многих других народов Севера.

Вторая часть рецензируемого сборника включает в себя научные статьи. Они выполнены в разных жанрах, на разные темы и преимущественно на материалах по народам Севера. Не очень понятно, по какому принципу выстроена последовательность статей. Как представляется, логичнее было бы объединить статьи, например, подготовленные полностью или преимущественно на полевых материалах. Поэтому здесь они будут рассматриваться не в том порядке, в каком присутствуют в сборнике. Кроме того, объем рецензии не позволяет подробно остановиться на каждой из опубликованных работ.

Тематика статей прежде всего обусловлена научными интересами их авторов. На первый взгляд, некоторые из них, в частности по антропологии населения Памира, о символике картины «Утро стрелецкой казни» В. Сурикова, могут показаться неуместными в сборнике, посвященном исследователю-североведу. Но нельзя забывать о том, что круг интересов Юрия Борисовича Симченко как ученого и организатора науки и просто человека был необычайно широк. Так, Н.А. Дубова указывает, что еще в 1959 г. он был командирован в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикистана для работы в качестве переводчика на фарси, которым после окончания кафедры иностранных языков Историко-архивного института

владел в совершенстве (С. 225–226). Кроме того, Ю.Б. Симченко, как уже отмечалось, был инициатором многих проектов, касающихся народов Советского Союза и России. Для него важен был каждый народ и каждый человек!

Статьи этого раздела сборника построены на разных источниках: архивных, литературных, собственных полевых материалах авторов. Так, О.Л. Милова анализирует архивные материалы, освещающие демографические и социальные проблемы, возникшие при «спецколонизации» Русского Севера 1930-х гг., условия жизни спецпереселенцев (С. 204–217). З.П. Соколова публикует наблюдения, сделанные в дневниковом жанре во время поездки к хантам р. Вах в 1957 г., культура которых в это время сохраняла множество традиционных черт (С. 98–150). Н.А. Дубова приводит материалы экспедиций ИЭ АН СССР конца 1970-х гг. к шугнанцам, самому крупному по численности народу Памира, а именно к одной из его групп — шугнанцам долины р. Шахдара — с целью выявления их антропологических особенностей (С. 218–244).

Ю.Н. Квашнин сопоставляет собранные им в 2009 г. среди ненцев низовьев Енисея полевые материалы по современной демографической, хозяйственной и культурной ситуации с тем, что зафиксировали на рубеже 1950–1960-х гг. на той же территории Ю.Б. Симченко и В.И. Васильев (С. 283–313). С одной стороны, он отмечает в целом положительную направленность современных этнических процессов, с другой — в связи с нефтегазовыми разработками в этом районе прогнозирует возможность ухудшения ситуации, возникновения конфликтов с соседними группами ненцев из-за оленьих пастбищ (С. 309). К сожалению, как показывают наблюдения, аналогичная ситуация характерна не только для ненцев. Проблемы с территориями традиционного природопользования появляются там, где активно ведется промышленное освоение Севера. Нельзя назвать совершенным и современное законодательство: далеко не всегда оно направлено на защиту интересов коренного населения, связанных с традиционными отраслями хозяйства.

Акцент на роли охоты на дикого северного оленя в современной культуре жизнеобеспечения сделан в статье Д.В. Воробьева «“Диковка” в Чиринде — промысел дикого северного оленя в XXI столетии» (С. 314–339), причем в том ракурсе, который ранее практически не исследовался. Это охота на северного оленя в местах его зимовок на севере Эвенкии. Данная статья, как и предыдущая, написана по полевым материалам автора 2009 г. Интересно отметить, что автор не только анализирует сведения информантов о характере этого занятия с использо-

ванием опубликованных данных, но и выявляет разницу между сведениями, полученными от людей разных возрастных категорий.

Важным представляется вывод Д.В. Воробьева о том, что на современном этапе у эвенков Чиринды именно охота на тундрового оленя, мигрирующего на зимовку в районы их проживания, «а не пушной промысел является здесь <...> важнейшим компонентом товарного сегмента жизнеобеспечения, поскольку именно это занятие приносит большинству населения денежные доходы, и доходы относительно неплохие» (С. 329). При этом она сохраняет свое значение как источник пищи, т.е. в натуральном сегменте жизнеобеспечения. Д.В. Воробьев отмечает, что при такой стратегии жизнеобеспечения продукты промысла, выпадающие из круга коммерческих отношений, выбрасываются. «Промысловикам, в силу ограниченного количества времени и продолжительных его затрат на первичную обработку коммерческой продукции, некогда заниматься еще и обработкой побочных продуктов диковки» (С. 336). Автор предполагает, что этим могут объясняться более быстрые, по сравнению с другими группами эвенков, темпы утраты архаических пластов культуры. Единственный, с его точки зрения, негативный фактор проанализированной в статье адаптивной стратегии — высокая зависимость от внешних обстоятельств — конъюнктуры рынка оленины (С. 337). С этими выводами нельзя не согласиться. Аналогичная ситуация имеет место и у других народов Севера.

На архивных (похозяйственные книги, данные ЗАГС), а также полевых материалах автора построена статья С.С. Луговского, посвященная этнодемографической ситуации в Нижнеколымской контактной зоне в 1930–1990-х гг. (С. 350–380). Анализ материала позволил автору сделать вывод о том, что нарушение этнической идентичности той или иной группы отрицательно сказывается на ее репродуктивной активности, т.е. понижает ее адаптацию на популяционном уровне (С. 379).

Другие вопросы рассматриваются в статье В.В. Карлова «Ю.Б. Симченко и некоторые проблемы этногенеза самодийцев», в определенном смысле инициированной Ю.Б. Симченко незадолго до смерти, но тогда не написанной. Автор подчеркивает, что не является специалистом в области археологии западной Сибири и уралоистики (С. 154), проблемы самодийского этногенеза интересовали его «в связи с необходимостью изложения материала в курсе этнографии (этнологии) МГУ» (С. 153). Здесь мы имеем как бы взгляд «со стороны», взгляд в определенном смысле свежий, благодаря чему в сложных вопросах из области этнологии могут обнаруживаться, заострять-

ся или, наоборот, сниматься противоречия, каковыми изобилует, в частности, проблема этногенеза самодийцев.

В.В. Карлов анализирует различные подходы к этой проблеме, изложенные авторами разных разделов тома «Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энды. Нганасаны. Кеты» — В.И. Молодиным (южная гипотеза происхождения самодийцев) [Молодин 2005] и А.В. Головневом (северная гипотеза) [Головнев 2005], подчеркивая при этом, что «оба автора слишком мало и фрагментарно пользуются достижениями современной лингвистики и топонимики, а ведь при решении сложных этногенетических вопросов без данных этих наук обойтись невозможно» (С. 155). В.В. Карлов отмечает, что «в явное и очевидное противоречие с однозначными современными вариантами северной и южной гипотез прародины самодийцев» входят отдельные концепции и конкретные факты, изложенные в лингвистических и топонимических работах Ю.Б. Симченко, Л.П. Лашука, Б.О. Долгих, А.П. Дульзона, А.К. Матвеева, Е.А. Хелимского, В.В. Напольских (С. 155). В первую очередь он выделяет вопрос о локализации и хронологии бытования праязыков. В свете построений отечественных лингвистов в этой области (здесь нельзя не заметить, что большой вклад в решение этих вопросов внесли и венгерские ученые, работы которых опубликованы, в том числе и на русском языке. — *Е.Ф.*), как считает В.В. Карлов, северная гипотеза выглядит довольно спорной (С. 155–156), как и южная, саянская, основанная главным образом на лингвистических материалах, а также на факте существования на юге Сибири оленеводства (С. 155–157).

Нужно сказать, что аргументы в пользу южной гипотезы уже давно вызывают сомнение у многих исследователей. В частности, сложно представить, как в процессе передвижения с южной прародины на север у самодийцев изменилась форма оленеводства (с вьючно-верхового на упряжное). Интересно и то, почему самодийцы, даже продвигаясь небольшими группами, не оттеснили на север обских угров, которые были расселены на территории западно-сибирской тайги, а как бы прошли «сквозь них».

По мнению же В.В. Карлова, самодийцы пришли на север, будучи безоленными охотниками (С. 163). Им предшествовало древнеуральское население, с которым в научной литературе принято связывать легендарных сихиртя.

В.В. Карлов считает, что прародиной самодийцев можно считать кулайский ареал (Сургутско-Нарымское Приобье), откуда они мигрировали в разных направлениях под давлением степного и лесостепного населения, продвигавшегося в тайгу

в I тысячелетии до н.э. — на рубеже н.э., что и послужило причиной распада самодийской общности (С. 157–158). В принципе, мнение о самодийской принадлежности кулайцев существует давно. Его придерживается целый ряд археологов (В.Н. Чернецов, М.Ф. Косарев, В.А. Могильников, Л.А. Чиндина и др.), тем более что через средневековую релкинскую и более поздние памятники кулайская культура раннего железного века достаточно убедительно связывается с древними селькупками. Миграции же кулайцев в северном и других направлениях хорошо показаны в работах Л.А. Чиндиной. В данном случае, видимо, возникает новый вопрос — о прародине ненцев, энцев и нганасан. По В.В. Карлову, с предками энцев можно связывать население, которое оставило гидронимы с окончанием на *им / ым*, фиксирующиеся в разных районах Севера и Сибири (С. 160). А в целом, пожалуй, на первое место выходит все же северная гипотеза, согласно которой также самодийцами были носители ямочно-гребенчатых культур Приуралья и Зауралья.

В.В. Карлов развивает мнение Б.О. Долгих о происхождении этнонима «печера» в значении «жители леса» из древнеуральской, перешедшей в самодийскую, лексики. С учетом высказывания Б.О. Долгих о четком разделении жителей тайги и жителей тундры, он предполагает возможную связь топонимов и гидронимов, начинающихся на «Вы», с протоуральцами, которые назывались Вычера — «люди тундры» (С. 162–165).

О правомерности этого построения все же должны судить лингвисты и топонимисты, хотя оно, безусловно, интересно. Статья В.В. Карлова, как представляется, лишний раз подчеркивает, что чем глубже исследуется проблема, тем больше возникает вопросов. И будет ли распутан клубок проблем уральского этно- и культурогенеза, как хочет надеяться ее автор (С. 165)?

В этнологических построениях, очевидно, могут быть использованы материалы не только смежных наук. Точно так же, как и конкретные этнографические данные и реконструкции оказываются необходимыми для работы исследователей из других, «посторонних», сфер научного знания. Возможно, потребность в такого рода сочетании возникает в результате контактов представителей разных профессий. В рецензируемом сборнике представлена статья физика Л.М. Алексеевой, также участвовавшей в экспедициях Института этнографии (С. 167–190). Она рассматривает реконструированные Ю.Б. Симченко древнейшие мифы охотников на северного оленя как отражение знаний о природе, присущих их далеким предкам. Анализ этих материалов позволил Л.М. Алексеевой еще в более ранних

ее работах сделать заключение о том, что «мифология арктических охотников сохраняет память о конце последнего оледенения» (С. 178). Выявленные Ю.Б. Симченко мировоззренческие аспекты древних охотников на северного оленя оказались возможным распространить на всю широтную полосу Евразии от Атлантики до Тихого океана, т.е. на территории, где основой жизнеобеспечения населения в конце эпохи оледенения была охота на северного оленя (С. 182–186). Л.М. Алексеева анализирует представления о полярных сияниях как о границе с миром мертвых. Она считает, что анализ отражения этого природного явления в мифологии того или иного народа мог бы добавить ясности при изучении вопросов этногенеза (С. 188).

Мифологии посвящена статья еще одного ученика Ю.Б. Симченко — В.В. Напольских (С. 245–269). Он снова обращается к теме, исследованию которой посвятил немалую часть своей жизни, — к мифу о нырянии за землей, широко распространенному в Северной Евразии и Северной Америке. Этот мотив имеет очень древнее (как минимум верхнепалеолитическое) северно-азиатское происхождение (С. 245). Схема распространения данного мифа в разных вариантах была использована в качестве обоснования гипотезы об урало-западносибирской локализации уральской прародины, что согласуется с данными лингвистики, археологии, физической антропологии и палеобиогеографии (С. 248). В дальнейшем были обнаружены дополнительные данные, подтверждающие основные положения этой гипотезы. В частности, миф о ныряльщике оказался зафиксированным у селькупов, эвенов Магаданской области, тюрков Поволжья и Предуралья, сибирских татар, ряда племен североамериканских индейцев. Напоминают миф о ныряющей птице сюжеты, зафиксированные у народов Южной и Юго-Восточной Азии, хотя здесь речь идет не о нырянии, а о доставании гигантским членистоногим клешней или лапой земли со дна моря либо о выдавливании земли из червя, добытого из грязи / моря (С. 249–258). Поскольку в последнем случае способ творения иной, В.В. Напольских предполагает, что здесь речь идет не о сотворении мира, а о восстановлении после катастрофы (червь проглотил землю) или о сотворении не суши, а плодородной почвы (С. 258).

В.В. Напольских ставит ряд проблем, требующих пересмотра или корректировки. В частности, это истоки и эволюция европейских мифов о нырянии за землей, возможность корреляции результатов исследований в области молекулярной генетики и сравнительной мифологии.

Мифологии посвящена еще одна статья сборника. О.Б. Христофорова сопоставляет эскимосский и нивхский мифы

о встрече охотника с медведем, анализ которых позволил ей сделать вывод не только о типологической, но и, возможно, о генетической связи этих текстов. Трансформация же эскимосского текста, при том что он сохранил основную схему, могла быть вызвана реалиями (С. 281).

Завершают сборник публикация об именах долган, подготовленная краеведом Е.С. Бетту, и отрывок из книги журналистики, писательницы, собирателя ненецкого фольклора Л.П. Ненянг.

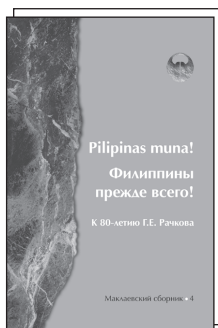
Несмотря на то что в сборник включены очень разноплановые статьи, он, несомненно, будет вызывать интерес среди исследователей и новыми материалами, и подходом авторов к освещению различных проблем.

Библиография

- Головнев А.В.* Ненцы. Гл. 2: Происхождение и этническая история // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 398–409.
- Молодин В.И.* От древних культур к современным народам // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 18–56.
- Савоскул С., Соколова З.* Юрий Борисович Симченко // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 168–173.
- Симченко Ю.Б.* Культура охотников на дикого оленя Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976.
- Симченко Ю.Б.* Нганасаны // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 81–99.
- Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Кн. 1. Система жизнеобеспечения. М.: ИЭА РАН; КМЦ, 1992. (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 22).
- Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Кн. 2. Очерки традиционных верований нганасан. М.: ИЭА РАН; КМЦ, 1993а. (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 22).
- Симченко Ю.Б.* Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 148–185.
- Симченко Ю.Б.* Особенности социальной организации палеоазиатов крайнего Северо-Востока Сибири (коряки, чукчи, ительмены, эскимосы) // Общественный строй у народов Севера Сибири. XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970а. С. 313–331.
- Симченко Ю.Б.* Пережитки первобытнообщинного строя у народов Сибири // Общественный строй у народов Севера Сибири. XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970б. С. 418–429.
- Симченко Ю.Б.* Проблема материнского рода у народов Севера // Общественный строй у народов Севера Сибири. XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970в. С. 71–87.

- Симченко Ю.Б.* Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980а. С. 11–27.
- Симченко Ю.Б.* Ревитализация традиционных верований народов Северной Азии // Симченко Ю.Б. Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки (Российский этнограф. Вып.7). М.: ИЭА РАН; КМЦ, 1993б. С. 5–36.
- Симченко Ю.Б.* Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Севера Сибири. XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970. С. 174–213. (в соавт. с В.И. Васильевым).
- Симченко Ю.Б.* Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965.
- Симченко Ю.Б.* Терминология родства ненцев, энцев, нганасан и юкагиров // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука, 1974. С. 270–291.
- Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. М.: ИЭА РАН; КМЦ, 1996. Ч. 1–2. (Библиотека российского этнографа).
- Симченко Ю.Б.* Этногенез юкагиров // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980б (в соавт. с И.С. Гурвичем). С. 41–151.
- Симченко Ю., Сорокин О.* Отца Егория Деянья. М., 1991. Т. 1–2.

Елена Федорова

Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! К 80-летию Г.Е. Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 683с., илл. (Маклаевский сборник. Выпуск 4).

Елена Владимировна Ревуенкова

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
evrevu@gmail.com

Рецензируемый сборник написан в основном по материалам первой российско-филиппинской конференции, проходившей 14 и 15 сентября 2009 г. в Санкт-Петербурге [Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! 2009; Pilipinas muna! The Philippines is a Priority! 2009]¹, но не является ее зеркальным

¹ Отчет о конференции см.: [Ревуенкова 2010].

отражением. Поэтому прежде чем перейти к собственно рецензии, необходимо дать некоторые пояснения, касающиеся предыстории публикации сборника.

Конференция была посвящена 80-летию со дня рождения выдающегося ученого — филиппиниста-филолога, преподавателя Восточного факультета СПбГУ Геннадия Евгеньевича Рачкова. По ее итогам было принято решение издать два параллельных сборника — на русском языке в издательстве МАЭ РАН и на английском и филиппинском языках в издательстве Университета Филиппин. Выход в свет рецензируемого сборника означает выполнение первой части этого решения. А учитывая, что несколько статей филиппинских, английских и американских авторов — коллег и друзей Г.Е. Рачкова — представлены в нем на английском языке, можно считать, что в определенной степени выполнена и вторая часть решения российско-филиппинской конференции.

Ряд очень важных докладов, прозвучавших на конференции, по тем или иным причинам в сборник не вошли. К ним относится доклад А.Г. Козинцева «Население Филиппин и эволюция человеческих популяций Тихоокеанского бассейна», в котором автор на широком сравнительном фоне представил генеалогические взаимоотношения человеческих популяций данного региона в связи с общими проблемами антропологической систематики. Не вошел в сборник и доклад В.В. Сумского «Изучение истории Филиппин в России: А.А. Губер и Г.И. Левинсон как историки Филиппинской революции», в котором был освещен вклад названных российских ученых в исследование важнейших событий в истории Филиппин. В ряду прочитанных на конференции, но не вошедших в настоящий сборник стоит и доклад В.Б. Касевича «Грамматика и семантика восточного текста: квантитативные характеристики», представляющий промежуточный отчет о работе над проектом, в рамках которого группа исследователей устанавливает типологические численные индексы для 15 языков Азии и Африки. И наконец, за пределами сборника остался доклад М.В. Станюкович — организатора первой российско-филиппинской конференции, а также составителя и ответственного редактора рецензируемого сборника. В докладе, основанном на полевых материалах автора, рассматривались особенности *худхудов* (эпических сказаний) у локальных групп ифугао и калангуя, говорящих на разных языках, но владеющих одной эпической традицией, неизвестной другим локальным группам этих народов. Эти особенности служат еще одним подтверждением существования новой эпической

универсалии, определяемой в фольклористике как закон локальности¹.

Все названные доклады, содержание которых отражено в тезисах конференции, в разной степени раскрывают роль филиппинских материалов в решении общих проблем антропологии, истории, лингвистики и фольклора, а поэтому представляют и теоретический интерес. В то же время в сборнике имеются статьи антропологического, историко-этнографического и лингвистического характера, содержание которых не звучало на конференции и не было опубликовано в тезисах (статьи Л.А. Рида, Р.Т. Хосе, М.Ю. Медведева, Н.Ф. Алиевой, К. Стоун). Они были написаны специально для настоящего издания, но в соответствии с общей тематической направленностью прошедшей конференции.

Следует сделать еще одно немаловажное замечание. Многие статьи сборника написаны филиппинистами — учениками Г.Е. Рачкова. Однако Геннадий Евгеньевич не только выдающийся филиппинист, но и очень известный кореист. Вклад ученого в изучение корейской филологии был освещен на конференции в нескольких докладах его учеников-кореистов, посвященных вопросам классической и современной корейской литературы. Содержание этих докладов опубликовано в тезисах конференции, но в сборник, ограниченный тематикой, связанной с Филиппинами, эти материалы включены не были. Таким образом, чтобы иметь полное представление о таком значимом событии, как первая международная конференция филиппинистов в России, которая отразила широкий исследовательский кругозор основателя филиппинской филологии в Санкт-Петербурге Г.Е. Рачкова² и в то же время явилась первым в России опытом международного научного сотрудничества в исследовании языка, истории, этнографии и культуры Филиппин, следует изданные тезисы конференции «*Pilipinas tina! Филиппины прежде всего!*» и сборник под таким же названием рассматривать как взаимосвязанные и дополняющие друг друга публикации.

В сборнике участвует широкий круг специалистов по антропологии, филологии, истории и культуре не только Филиппин, но и других стран как входящих в один историко-культурный ареал с Филиппинами или близлежащий к нему (Индонезии,

¹ Мысли, высказанные в докладе М.В. Станюкович на первой российско-филиппинской конференции, опубликованы в других российских и зарубежных изданиях до и после выхода в свет рецензируемого сборника, а именно: [Станюкович 2011; Stanyukovich 2013].

² В список работ Г.Е. Рачкова, опубликованный в сборнике в его честь, следует добавить вышедший позже многолетний труд ученого — двухтомный словарь тагальского языка [Рачков 2012].

Вьетнама, Камбоджи), так и весьма отдаленных (Индии, Южной Америки и др.). Ряд авторов, не будучи востоковедами, являются известными специалистами в области всеобщей истории, международных отношений, геральдики, российского искусства, библиографии. Но усилия всех исследователей, как филиппинистов в собственном смысле слова, так и специалистов, изучающих другие страны и занимающихся проблемами, выходящими за пределы филиппинистики, были в данном случае сфокусированы на тематике, имеющей непосредственное отношение именно к Филиппинам. При этом стало вполне очевидным, что проблемы истории, антропологии, этнографии и культуры Филиппин в целом имеют широкие исторические и типологические параллели в самых разных регионах. Я постараюсь отмечать эту черту при рассмотрении конкретных статей. Сейчас же, давая общую характеристику этого издания, заранее подчеркну, что и состав его в целом, и метод описания представленных в нем материалов придают ему дополнительное измерение, не ограниченное географическими рамками Филиппин. Поэтому рецензируемый сборник способен привлечь внимание не только филиппинистов или специалистов по странам бассейна Тихого океана, но и тех, кто интересуется более общими проблемами в области компаративистики и типологии.

Все содержание сборника распределено на пять частей: I. Филиппины и Россия; II. Фольклор и литература; III. Лингвистика; IV. Антропология, этнология, этнолингвистика; V. Филиппины в российском искусстве, музеях и библиотеках. Деление это в значительной мере условно. Статьи, помещенные в разных частях в соответствии с их основной тематикой, во многих отношениях перекликаются между собой, нередко мысли и положения, высказанные в статье, помещенной в одной рубрике, дополняются и получают дальнейшее развитие в статьях других рубрик — касается ли это этнографии, культуры, музейных коллекций, языка или произведений искусства. С моей точки зрения, это отличительная черта сборника, придающая ему определенную цельность и способствующая тому, чтобы увидеть события истории, языковые явления, фольклорные традиции, элементы культуры Филиппин в неразрывной связи друг с другом. Имея это в виду, я буду говорить о статьях не всегда в той последовательности, в которой они расположены в сборнике, а в соответствии с той логической связью, которая, по моему мнению, существует между ними, независимо от того, в каком разделе они находятся.

Первая часть сборника открывается обзорной статьей одной из первых учениц Г.Е. Рачкова, ныне известного во всем мире специалиста по фольклору и этнографии Филиппин М.В. Ста-

нюкович «История филиппинистики в России: взгляд из Санкт-Петербурга». Автор представляет широкую панораму российско-филиппинских отношений, охватывающую почти 400-летний период, от только зарождавшегося интереса России к этому региону в допетровское время, продолжавшегося во времена правления Петра Первого и Екатерины Второй и в значительной мере реализованного в период первых кругосветных экспедиций XIX в. В XX в. формируется научно-исследовательский интерес к Филиппинам, появляются первые филологи, этнографы, историки этого региона, труды которых стимулировали дальнейшее развитие филиппинистики, представленной во всем своем многообразии и в век нынешний. Автор подчеркивает, что интерес российского общества к Филиппинам во все времена диктовался исключительно экономическими и культурными потребностями.

Культурная составляющая российско-филиппинских связей представлена в статье очень выпукло. Свою лепту в поэтично-романтическое восприятие экзотической культуры Филиппин и научное описание древнейших его обитателей внесли известные каждому россиянину поэты и поэты-ученые, писатели и писатели-историки, ученые-этнологи: М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин, И.А. Гончаров, Н.Н. Миклухо-Маклай.

Подробное освещение предыстории и нарастающей со временем интенсивности российско-филиппинских связей перетекает в историю современной филиппинистики. В этой истории очень важная роль отведена отделению филиппинской филологии на Восточном факультете Ленинградского (сейчас Петербургского) государственного университета, существующему с 1967 г., бессменным главой которого до самого последнего времени был Г.Е. Рачков. За прошедшие почти 50 лет в России сформировались в сущности две школы в изучении Филиппин — петербургская (ленинградская) и московская. Каждая — со своими приоритетами в тематике и особым подходом в интерпретации исторических событий, языковых или культурных явлений этого региона, но при этом они тесно взаимодействуют и дополняют друг друга.

Статья М.В. Станюкович насыщена огромным количеством фактов. Прошлое и настоящее филиппинистики представлено очень детально, с множеством имен, фамилий, разрабатываемых исследователями проблем. Казалось, ничто не ускользнуло от внимания автора обзорной статьи. В ней не только обобщены научные достижения в филиппинистике, но и определены важные и необходимые направления исследований ближайшего будущего, в частности подготовка источниковед-

ческой базы в виде антологии наблюдений российских мореплавателей XIX в., описание приобретенных в последние годы крупных коллекций и др.

И все-таки вряд можно было в одной статье исчерпать тему, обозначенную в ее названии. Сознвая это, автор в ряде случаев ограничивается только кратким упоминанием некоторых проблем изучения Филиппин и отсылает читателя к соответствующим статьям сборника, специально им посвященным. В этом проявилась отличительная черта сборника, отмеченная выше. Еще раз повторю, что считаю большой удачей такой подбор материала и состав сборника «*Pilipinas muna! Филиппины прежде всего!*», когда представленные в нем статьи выполняют двойную функцию: с одной стороны, они являются совершенно самостоятельными очерками, а с другой стороны, развивают и дополняют ряд положений, высказанных в других статьях.

Одним из дополнений к обобщающей статье М.В. Станюкович является статья В.Н. Кислякова «Ранние филиппинские коллекции в МАЭ РАН», в которой роль Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в изучении Филиппин, отмеченная М.В. Станюкович, конкретно представлена в описании первых приобретенных музеем филиппинских коллекций. После освещения роли МАЭ и его сотрудников в историко-культурном изучении островной части Юго-Восточной Азии, прежде всего австронезийских народов, автор подробно перечислил состав ранних коллекций по народам Филиппин, поступивших в МАЭ как от различных собирателей, так и из некоторых отечественных и зарубежных музеев за период с конца XIX до 30-х гг. XX в. Замечу, что для создания полной картины состояния музейного фонда по Филиппинам большую роль могла бы сыграть статья самой М.В. Станюкович о коллекциях, приобретенных ею в течение последних двух десятилетий во время экспедиций на Филиппины. Число предметов, привезенных М.В. Станюкович для Кунсткамеры (а их больше 1000), превосходит все существовавшие до этого времени филиппинские коллекции в МАЭ. Но нельзя объять необъятное. Остается надеяться, что в недалеком будущем и эта задача будет выполнена, тем более что она определена в числе приоритетных для петербургской филиппинистики на ближайшее время.

В сущности, вся пятая часть сборника — «Филиппины в российском искусстве, музеях и библиотеках» — может быть воспринята как развернутый комментарий к теме «Россия и Филиппины» в культурологическом и искусствоведческом аспекте. Это статья И.Н. Воевуцкого «Филиппинские издания

и западные издания о Филиппинах в Библиотеке Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН», где говорится о формировании небольшого, но очень важного библиотечного фонда по Филиппинам в то время, когда в России еще не было специалистов, изучающих этот регион, и когда комплектование соответствующей литературы было нацелено лишь на исследователей, которые могли бы появиться в неопределенной перспективе. Такие исследователи появились только в советское время и пополнили фонд существующей литературы по Филиппинам своей личной обширной библиотекой. Об этом — статья А.К. Касаткиной «Библиография работ по Филиппинам, хранящихся в отделе Австралии, Океании и Индонезии МАЭ РАН».

Завершает библиографический раздел и весь сборник структурированная библиография работ по филологии, антропологии и этнографии, опубликованных петербургскими исследователями в России и за рубежом, а также публикации ученых из других городов и стран (московских, филиппинских коллег, исследователей из Англии, Франции, США и пр.), изданные в Санкт-Петербурге (статья М.В. Станюкович и Т.И. Шаскольской «Библиография петербургской филиппинистики XX — начала XXI в.: филология, антропология и этнография»). Подобная библиография публикуется впервые. Ценность ее особенно велика потому, что большинство статей, опубликованных в малотиражных петербургских академических и университетских изданиях, не были учтены в ранее публиковавшихся библиографиях по Юго-Восточной Азии. Все статьи библиографического характера дают исчерпывающее на данном этапе представление о библиографии по филиппиноведению в Петербурге.

Важным вкладом в культурную составляющую филиппинистики являются статьи о первых российских художниках, посетивших Филиппины в середине XIX — начале XX в.: статьи Ю.С. Рутенко «М.Т. Тиханов — первый русский живописец (1789(?)—1862), побывавший на Филиппинах» и Е.Г. Шиловой «Филиппинские работы В.В. Верещагина». Эти статьи, с одной стороны, представляют картины известных российских художников, созданные под впечатлением филиппинской реальности, как историко-этнографический источник, а с другой — открывают неизвестную до сих пор страницу жизни и творчества этих художников, что очень важно и для исследователей истории российского искусства.

М.Т. Тиханов и В.В. Верещагин создавали свои картины и отдельные зарисовки из жизни филиппинцев, когда еще не была изобретена фотография, с появлением которой начинается

совершенно новый этап в этнографических исследованиях. Филиппины в этом отношении оказались исключительно важным источником, прежде всего благодаря большому иллюстративному материалу, хранящемуся в отделе Австралии, Океании и Индонезии и связанному с именем Роя Франклина Бартона. Этот выдающийся американский ученый занимает совершенно особое место в филиппинистике как мировой, так и советской — случай экстраординарный. Именно Р.Ф. Бартон, десять лет (1930–1940) проработавший в России, в Ленинграде в Институте антропологии и этнографии, является родоначальником филиппинской этнографии в России (тогда СССР). Он оставил большое творческое наследие, в числе которого и богатая иллюстративная коллекция¹. В данном сборнике она впервые стала предметом научного исследования в статье А.К. Касаткиной «Коллекции филиппинских фотографий Р.Ф. Бартона в МАЭ РАН».

В статье тщательно изучены хранящиеся в отделе Австралии, Океании и Индонезии диапозитивы, представлена их характеристика с точки зрения сохранности, музейной документации, аутентичности, содержания, проведено сравнение их как с опубликованными фотографиями, сделанными ученым в начале XX в., во время первой поездки на Филиппины, так и с фотоотпечатками, сделанными в середине 1930-х гг. Автор убедительно показывает, что фотографии являются визуальным дополнением к полевым дневникам ученого: и те, и другие отражают живые сценки, быт, нравы, поведение филиппинцев в обыденной и ритуальной жизни.

Я бы хотела добавить, что А.К. Касаткина целенаправленно и плодотворно занимается иллюстративным материалом, хранящимся в отделе Австралии, Океании и Индонезии не только по Филиппинам, но и по всей островной части Юго-Восточной Азии. В качестве первого этапа она его систематизировала и классифицировала [Касаткина 2009]. Одновременно с филиппинскими фотографиями А.К. Касаткина внимательно изучила богатый иллюстративный фонд выдающегося немецкого собирателя начала XX в. Альберта Грубауэра, которому Кунсткамера обязана ценнейшими коллекциями предметов культуры и быта народов Индонезии, главным образом Суматры и Калимантана. Она не только изучила старинные фотоотпечатки, систематизировала и представила их квалифицированное описание. Ей удалось побывать на Калимантане, сделать доклад об этом фонде на конференции, побеседовать с жителями тех мест, которые в свое время посетил Альберт Грубауэр,

¹ О работе Бартона в МАЭ РАН и его наследии см.: [Станюкович 1979; Stanyukovich 2004].

показать им фотографии, хранящиеся в Кунсткамере, получить от них соответствующие разъяснения и пережить вместе с ними радость узнавания родных для них мест, снимки которых хранятся в российском музее [Касаткина 2010; 2011; 2012; 2013]. Фотографии, пролежавшие в отделе Австралии, Океании и Индонезии почти 100 лет, ожили и заговорили. Вот почему работы А.К. Касаткиной по иллюстративному материалу, как в данном сборнике, так и вышедшие в других изданиях, тоже являются своего рода иллюстрацией — иллюстрацией того, как старинные фотографии могут стать полноценным этнографическим источником, т.е. служить фундаментом того направления в этнографии, которое известный исследователь музейного дела Л.А. Алексеева называет музейным источниковедением.

Все перечисленные статьи имеют совершенно самостоятельную научную ценность и в то же время конкретизируют и развивают ряд положений, высказанных в статье М.В. Станюкович. Они демонстрируют интерес России к Филиппинам, проявляющийся в разных формах и в разные периоды истории. Это и есть филиппинистика в России в ее исторической протяженности: в царской России, СССР и России современной. Собственно говоря, весь сборник «*Pilipinas muna! Филиппины прежде всего!*» можно считать последним словом в развитии этой темы на данном этапе.

Российско-филиппинские отношения в исторической ретроспективе представлены в статьях В.В. Носкова «От “Паллады” до “Авроры”: русские крейсера в Маниле» и Рикардо Трота Хосе “*The Russo-Japanese War and the Philippines*”, во многом тесно связанных между собой, хотя, возможно, это получилось неосознанно: В.В. Носков участвовал с докладом на конференции, который затем был преобразован в статью, Р.Т. Хосе в конференции участия не принимал, но прислал статью специально для публикации в сборнике. Тем не менее обе статьи оказались посвященными общей теме, относящейся к русско-японской войне и ее последствиям и для России, и для Филиппин.

В.В. Носков, с одной стороны, расширяет информацию о Филиппинах, упомянутую в статье Станюкович. К числу участников кругосветных экспедиций XIX в., оставивших заметки о Филиппинах, он добавляет имена А.А. Баранова, Н.П. Резанова, Е.В. Путятин и др. С другой стороны, автор, изучив множество документов, прежде всего архивных (Архив внешней политики Российской империи, Российский государственный архив, архив Военно-морского флота), воссоздает историю проектов установления торговых связей между рос-

сийскими владениями в северной части Тихого океана и Филиппинами. Попытка укрепиться на берегах Тихого океана оказалась неудачной для России. Однако главное внимание в статье обращено на историю пребывания российских крейсеров в Маниле после поражения России в русско-японской войне. Создавая картину одного из печальных событий российской истории, автор описывает внутреннюю обстановку на кораблях, критический анализ военного поражения, переговоры с американским правительством о помощи российским морякам. Эта статья касается российско-филиппинских отношений с точки зрения российской истории.

Какое значение имела русско-японская война для истории Филиппин и какое влияние она оказала на филиппинцев, раскрывается в статье Рикардо Трота Хоце “The Russo-Japanese War and the Philippines”. Автор показывает, что пребывание русских крейсеров в Маниле после поражения при Цусиме и вообще победа Японии оказали большое влияние на подъем освободительной борьбы Филиппин против американского колониального господства. Посещение филиппинцами российских кораблей явилось особенным стимулом для усиления национально-освободительного движения и способствовало укреплению прояпонских настроений в филиппинском обществе. Для филиппинцев победа Японии при Цусиме была примером того, чего могут добиться азиатские страны. Подъем национально-освободительного движения на Филиппинах, в свою очередь, заставил американское правительство почувствовать уязвимость своей политики на Филиппинах, вынудил его переориентироваться и пересмотреть свои стратегические планы.

Таким образом, две статьи российского и филиппинского авторов, посвященные одной и той же теме, связанной с русско-японской войной, удачно дополняют друг друга и раскрывают важные моменты в истории и общественных умонастроениях в начале XX в. как в России, так и на Филиппинах.

В первой исторической части сборника в статье историка и геральдиста международного класса М.Ю. Медведева представлен особый пласт культуры, связанный с геральдикой и вообще эмблемами государственной власти султаната Сулу. Он показал историю геральдики султаната в контексте исторического развития всего малайского мира, разобрал по мельчайшим деталям современные герб, флаг и другие эмблемы государственной власти султаната и проследил их истоки в местной культуре, а также трансформацию в результате многовекового влияния европейской и американской культуры. В лице автора статьи мы видим не только высоко эрудированного исследова-

теля, вооруженного обширными познаниями геральдической культуры Востока и Запада, но и художника-практика, предложившего свою концепцию ныне действующей официальной гербовой символики султаната Сулу. В его концепции воплотилось культурное наследие предыдущих этапов развития геральдики и символики Филиппин. Она не только получила официальное одобрение. Автор за нее получил статус *дату* — короля-хранителя, стал членом королевского совета султаната Сулу — случай беспрецедентный в его истории и истории Филиппин вообще, а то, что геральдические документы были подписаны в Петропавловской крепости — случай беспрецедентный в истории России. Для меня как человека, занимающегося средневековой малайской историей, особенно интересно, что геральдическая терминология Сулу во многом малайская (термины *дату*, *Раджа Муда*, *Махараджа адинда*).

Вторую часть сборника «Фольклор и литература», с моей точки зрения, следовало бы начать со статьи Ю.Е. Березкина «Четыре фольклорных мотива из трех эпох в истории Филиппин и Индонезии», хронологически отражающей наиболее древний период в фольклоре обширнейшего региона, далеко выходящего за рамки Нусантары. Ю.Е. Березкин давно занимается ареальными исследованиями мифологических мотивов и сюжетов буквально во всех регионах Старого и Нового света (Южной и Юго-Восточной Азии, бассейна Тихого океана, Северной и Южной Америки, Африки). Широкое распространение сходных мотивов и сюжетов в географически очень отдаленных друг от друга областях является очень важным и надежным показателем миграций и историко-культурных связей разных народов на самых ранних этапах этнической истории. В данном сборнике в центре таких историко-культурных связей находятся Филиппины.

Сопоставляя между собой сказочные и мифологические мотивы вплоть до мельчайших деталей (именно таковые в определенном смысле могут иметь решающее значение для тех или иных выводов), Ю.Е. Березкин выделяет мотив, соответствующий самой ранней эпохе, связанной с первоначальным заселением современным человеком индо-тихоокеанской окраины Азии («Солнце съедает своих детей»), а также мотив, представляющий доавстронезийский субстрат у народов Индонезии и Филиппин и его мундо-дравидийские и африканские параллели («Лунная пряжа»). Далее автор выделяет австронезийский мотив («Супруги делят ребенка»), ареал распространения которого указывает на Филиппины как на место, через которое австронезийцы продвигались на Восточную Индонезию. Ареал распространения следующего мифологического мотива («Мальчик-половинка») обнаруживает широкие средиземно-

морские и тихоокеанские параллели, в том числе и у игоротов Филиппин, что говорит о возникновении постоянных контактов между Средиземноморьем, Южной и Восточной Азией.

Статья Ю.Е. Березкина поражает своим исследовательским размахом, масштабностью, умелым оперированием громадным материалом, направленным на выявление этнических и историко-культурных связей и миграционных потоков на самых ранних этапах истории. В ней много открытий для исследователей, занимающихся изучением древнейшего прошлого человечества. Но, как во всяком произведении, касающемся подобных проблем, в статье высказывается много предположений, гипотез, в том числе и сомнительных, по признанию самого автора. Если для такого знатока ареалов распространения указанных мифологических сюжетов гипотезы о культурных связях на самых ранних этапах истории человека кажутся таковыми, что тогда остается делать читателю, который, погружаясь в обрушившийся на него шквал информации, иногда буквально теряет ориентацию. Не следует, однако, воспринимать это как упрек. Это скорее выражение огромного уважения к работе, стимулирующей мыслительную активность читателя и стремление дотянуться до высоты авторских познаний. Но вот от чего хотелось бы предостеречь Ю.Е. Березкина, так это от употребления в дальнейшем в отношении одного из племен Малаккского полуострова термина «сакай», давно вышедшего из употребления. Эти племена следует называть *сеноями* или одним из народов *асли*.

Фольклорная тематика сборника представлена также статьями, посвященными эпической традиции народов Филиппин, а именно статьями Ампаро Аделины III Умали, двумя статьями С.И. Яценко и небольшим откликом на одну из них А.В. Козьмина.

Ампаро Аделина III Умали (статья “Learning from Masters: Teaching Ifugao *Hudhud* Chants, San Dionisio Komedya and the Bontok Eagle Dance in the Classroom”) применила опыт своих наблюдений за методами в школе актерского мастерства японских театров Но и Кабуки для обучения исполнителей филиппинских фольклорных произведений — *худхудов* (эпоса ифугао), бонтокского танца орла и театральных комедий. В организованной ею школе живой традиции она на практике применила методiku обучения японской театральной системе, где большее значение придается не самому тексту, а прямому повторению вслед за учителем слов и движений, т.е. телесному и голосовому тренингу. Такой практический диалог культур помогает, по мнению автора, оживить застывшие традиции и осознать важность собственного культурного наследия,

необходимость его сохранения и передачи будущим поколениям.

Эта статья, посвященная конкретному влиянию традиций театрального искусства Японии на исполнительское мастерство фольклорных произведений и театрализованных представлений Филиппин, имеет для меня дополнительный смысл, и я бы рассмотрела ее в более широком контексте, а именно — с точки зрения использования принципов и художественных приемов одних театральных систем в обновлении и реформировании актерской игры и театрального искусства в других театральных традициях. Напомню, что выдающиеся деятели современного искусства — Энтони Гордон Крэг, Бертольд Брехт, Антонен Арто, Сергей Эйзенштейн, Всеволод Мейерхольд и многие другие в своих творческих поисках и художественных экспериментах в той или иной степени использовали средства актерской выразительности театра Индии, Китая, Японии, Индонезии и создавали особые ритмические композиции слова и движения¹.

Две статьи С.И. Яценко посвящены исследованию илоканского эпоса «Жизнь Лам-анга». Автор вводит в научный оборот один из известных эпических памятников Филиппин. В статье «Илоканский эпос “Жизнь Лам-анга”»: история изучения и содержание памятника» подробно рассматриваются и сопоставляются различные версии эпоса, определяется степень их аутентичности, даются переводы некоторых частей памятника с илоканского и тагальского языков. В результате тщательного анализа содержания и формы памятника автор делает вывод о его жанровой природе. По его мнению, памятник относится к жанру богатырской сказки с элементами (зачатками) героического эпоса. Во второй статье — «Организация стиха в илоканском эпосе “Жизнь Лам-анга”» — С.И. Яценко анализирует его метрическую систему и высказывает предположение о силлабо-тонической структуре памятника.

То, что в статье С.И. Яценко выглядит только как предположение, переходит в утверждение в статье откликнувшегося на нее А.В. Козьмина, который использует собственную методику стиховедческого исследования. Он сравнивает метрику илоканского эпоса с монгольской, подчеркивает их несомненное сходство и уподобляет метрику «Жизни Лам-анга» монгольскому эпосу, ритмическая организация которого уверенно определяется как силлабически упорядоченная. Вывод вполне убедителен, но логически следовало бы статью С.И. Яценко о ритмической организации илоканского эпоса поместить перед статьей А.В. Козьмина.

¹ Об этом подробнее см.: [Уварова 2001; Ревуненкова 1992: 12–13, 172–177].

Статьи С.И. Яценко представляют собой серьезные исследования, сделанные впервые в российской (а может быть, и не только) филиппинистике. Но некоторые утверждения автора вызывают сомнения, в основном связанные с собственным толкованием некоторых цитат и расширительным употреблением термина «индонезийский», т.е. заменой его на термин «австронезийский». Так, С.И. Яценко пытается рассмотреть илоканский эпос в рамках австронезийского эпоса и считает, что содержание памятника составляют типичные и наиболее древние темы австронезийского эпоса.

Автор ссылается при этом на работу Б.Б. Парникеля (С. 191–192). Но у известного российского исследователя литературы речь идет не об австронезийском, а об индонезийском эпосе. А что такое австронезийский эпос — непонятно. Утверждая, что «Жизнь Лам-анга» представляет собой повествовательную поэзию — *даллот*, где прозаическое повествование перемежается с песенным исполнением, автор сравнивает ее с малайскими и аческими пантунами как древнейшим поэтическим жанром австронезийцев. Этот же вывод повторяется и во второй статье об организации стиха илоканского эпоса, и опять автор ссылается на Б.Б. Парникеля: илоканский эпос предстает как типичный пример исконного австронезийского фольклорно-поэтического текста (С. 174, 229, 231).

Помимо замены термина «индонезийский» на «австронезийский», следует сделать еще одно замечание. С моей точки зрения, представленный С.И. Яценко материал по метрической системе илоканского эпоса, где прозаическое повествование перемежается с песенным, не позволяет ее сравнивать с пантунами — четверостишиями, имеющими строго определенную структуру двучленного параллелизма самого разнообразного характера (содержательного, символического, музыкального и т.п.).

Две статьи в сборнике посвящены филиппинской литературе. Одна из них более общего характера — “Golden Age of Filhispanic Literature (1898–1941)” Уирана де ла Пенья — посвящена подробному анализу и раскрытию значения литературы на испанском и английском языках во время американского господства на Филиппинах. Вторая — статья О.В. Колтыги — более конкретная. Она раскрывает творческий путь классика тагальской литературы — Франсиско Балагтаса (1788–1862) («Исследование творчества классика тагальской литературы Франсиско Балагтаса на Филиппинах и в России»).

Уиран де ла Пенья поставил своей задачей объяснить читателям, почему период филиппинской литературы, написанной во время американского господства на испанском и англий-

ском языке, называют золотым веком. Учитывая, что она очень мало привлекала внимание исследователей, занимает маргинальное положение в академической науке и не изучается в школе, автор считает такую оценку не более чем ярлыком. Подробно исследовав множество литературных произведений и периодических изданий того времени, автор доказывает, что эта литература воплощена в многочисленных произведениях и отличается разнообразием жанров, свободой выражения, языковым богатством. С его точки зрения, этот период в развитии литературы можно считать своего рода культурным переворотом. Произведения этого времени написаны на испанском и английском языках, но они писались о филиппинцах и для филиппинцев и хранили память о филиппинской культуре, предках и национальных героях Филиппин (прежде всего о Хосе Рисале).

В статье О.В. Колтыги впервые на русском языке представлена творческая биография классика филиппинской литературы Франсиско Балагтаса и его роль в формировании современного литературного языка. Мне кажется, что эта статья должна была бы стоять перед статьей Уистана де ла Пенья (учитывая хронологические рамки). Кроме того, непонятно, почему всего две статьи по литературе, тематически связанные между собой, отделены друг от друга статьями, посвященными фольклорной тематике. Ведь раздел называется «Фольклор и литература», и именно в таком порядке следовало бы и располагать в нем статьи.

Не будучи лингвистом, я не берусь рецензировать статьи третьего раздела сборника — «Лингвистика», но в состоянии высказать общее впечатление о них. Должна отметить, что многолетнее сотрудничество и знакомство с двумя выдающимися лингвистами — специалистами по индонезийскому и другим австронезийским языкам Натальей Федоровной Алиевой и Александром Константиновичем Оглоблиным — дает мне право утверждать, что их участие в сборнике со статьями, посвященными залоговым конструкциям в индонезийских и филиппинских языках, уже выводит это издание за пределы России и ставит его на международный уровень.

С.Б. Клименко, которого Г.Е. Рачков готовил как своего преемника в заведовании тагальским отделением на Восточном факультете, анализирует различные подходы к грамматике тагальского языка, принятые в российской и филиппинской лингвистике («Аккузативность и эргативность в тагальском языке»). Бакалавр СПбГУ, С.Б. Клименко в момент написания статьи начинал обучение в магистратуре Университета Филиппин (Дилиман) по лингвистике, которую с блеском закончил в 2012 г.

Лингвистические статьи сборника логически связаны со статьями этно- (или социо-) лингвистического характера, входящими в четвертый раздел сборника — «Антропология, этнология, этнолингвистика». Начну со статьи Ю.Ю. Крылова «Названия металлов: австроазиатско-австронезийские параллели», которая, кстати, в равной мере может быть отнесена и к лингвистическому разделу сборника. Автор детально исследует лексемы, обозначающие шесть металлов в австроазиатских и австронезийских языках, среди которых существенное место занимают языки Филиппин (тагальский, бикольский, панга-синанский, маранао, палаван и др.). Он показывает, какими путями могло распространяться буквально каждое слово, каковы его соответствия (или несоответствия) в различных языках Юго-Восточной Азии, и приходит к очень важному выводу о сходстве двух языковых семей в сфере лексики, относящейся к названиям металлов, объясняя это сходство не родством австроазиатских и австронезийской семей в рамках гипотетической аустрической макросемьи, а заимствованиями из австронезийских в австроазиатские языки. Статья Ю.Ю. Крылова — пример того, как на сравнительно небольшом, но очень показательном материале, обладая глубокими познаниями в области языков Юго-Восточной Азии и владея методами лингвистической реконструкции и сравнительного языкознания, можно сделать важные выводы о направлении языковых и этнических контактов в глубокой древности этого региона.

Если статья Ю.Ю. Крылова посвящена воссозданию определенного аспекта языковой ситуации в Юго-Восточной Азии, в том числе на Филиппинах, в древнейшую эпоху, то статья Е.Г. Фроловой посвящена конкретной языковой ситуации на Филиппинах сегодня. Автор использует широкий круг источников, прежде всего опыт личного общения, собственные наблюдения, в том числе за методикой преподавания в средних и высших учебных заведениях, средства массовой коммуникации, художественную литературу и множество иных материалов. В статье рассматривается соотношение употребления национального языка филипино (в основе которого лежит тагальский), языка *таглиш* (смеси тагальского и английского языков) и английского. В результате представлена сложная, дифференцированная картина использования трех языков в разных областях жизни, культуры, в сферах общения, социальных группах. Особое внимание обращено на роль церкви Иглесия ни Кристо, играющей немалую роль в распространении тагальского языка. В результате проведенного автором глубокого профессионального исследования современной языковой ситуации на Филиппинах делается вывод о ее несбалансированности, неустойчивости, подвижности. Правитель-

ственные реформы в отношении языка пока малоэффективны, языковая ситуация еще не устоялась и находится в процессе развития.

По моему мнению, статья Е.Г. Фроловой и статья Ю.И. Студеничника «Глаголы таглиш: *mag- vs -um-*», помещенная в лингвистической части сборника, пересекаются друг с другом, вернее последняя может считаться относящейся как к лингвистике, так и к этнолингвистике, поскольку в ней тоже характеризуется своеобразная языковая ситуация на Филиппинах, но основное внимание обращено на конкретные механизмы взаимодействия тагальского и английского языков в языке *таглиш* на примере образования новых глагольных форм.

С языковой ситуацией в многонациональных государствах тесно связана и этническая. В сборнике она представлена в двух аспектах: взаимоотношения основных народов с коренными (статьи Л.А. Рида и В.Р. Атнашева) и взаимоотношения между основным населением и пришлым, выходцами из других стран (статья И.Ю. Котина).

Проблема коренных народов поистине универсальна и является постоянной и животрепещущей для всех полиэтнических государств. В данном сборнике эта проблема обсуждается в статьях американского ученого Л.А. Рида «Коренные народы — кто они?» (перевод М.В. Станюкович) и российского ученого В.Р. Атнашева «Особенности конституционного статуса личности в Республике Филиппины (международно-правовой аспект)».

Статья Л.А. Рида по форме представляет собой лекцию, прочитанную представителям коренных народов Филиппин, и по своей стилистике сохраняет черты живого разговора с ними. Известный лингвист и этнограф, имеющий многолетний опыт изучения коренных народов Филиппин, предваряет свою статью-лекцию подробным критическим анализом сложившихся концепций о том, кого считать таковыми. Он приходит к выводу, что наиболее приемлемым является определение коренных народов в «Акте о правах коренных народов» (IPRA). Наблюдая в течение своей исследовательской работы, как сильно трансформируются и исчезают языки, реалии, обычаи и другие культурно-бытовые признаки коренных народов Филиппин, автор считает необходимым, чтобы сами коренные народы осуществляли свои права, всячески способствовали сохранению языков и культуры своих предков и препятствовали их уничтожению, особенно в условиях глобализации.

Статья В.Р. Атнашева посвящена сходной теме, но тональность ее иная. Автор приводит количество коренных народов Фи-

липпин — 110 этнолингвистических групп. Так же как и в статье Л.А. Рида, в статье В.Р. Атнашева говорится о конституционных правах коренных народов Филиппин. Подробно рассказывая о деятельности Национальной комиссии по коренным народам Филиппин, автор более оптимистичен в отношении осуществления их конституционных прав. Если Л.А. Рид весьма озабочен конкретной картиной быстрого исчезновения культуры коренных народов, то В.Р. Атнашев приходит к выводу о положительной тенденции к расширению деятельности в сфере защиты прав коренных народов Филиппин.

Как отмечено выше, тема коренных народов (по российской терминологии с добавлением определения «малые» или «малочисленные») очень актуальна и часто весьма болезненна во многих странах, в том числе и в России, где эта проблема обсуждается десятки лет. Приведу пример самого последнего времени. На VII съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока обсуждались насущные вопросы жизни этих народов: состояние правового обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов России; экономическое развитие и поддержка общин; образование и родные языки; духовное и культурное наследие; молодежь, здоровый образ жизни, спорт; социальная защита, пенсионное обеспечение и охрана здоровья; природопользование и экология, взаимодействие коренных народов и промышленных компаний. По всем пунктам программы велись острые дискуссии, были вскрыты серьезные недостатки в решении многих жизненно важных проблем коренных народов России. Что касается ситуации с охраной их здоровья, то она была оценена как критическая¹.

Проблема соотношения основного этноса с выходцами из других стран также относится к весьма актуальным. Один из аспектов этой проблемы применительно к Филиппинам осветил И.Ю. Котин в статье «Сикхи, синдхи и другие ‘бумбай’: индийцы на Филиппинах». После краткого экскурса в историю торговых и культурных связей между Филиппинами и Индией с древности до XIX в., когда наблюдался большой приток индийцев на Филиппины, автор дает подробную характеристику этнического состава индийской диаспоры на Филиппинах. Статья написана индологом, и естественно, что особое внимание уделено отношениям внутри индийской общности, прежде всего между конфессиональной группой пенджабцев —

¹ Подробнее о съезде и особенно об охране здоровья коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ см.: [Харитонов, Пассар].

сикхов и индусами — синдхами, а также взаимоотношениям их с другими этническими группами, прибывшими из Индии и проживающими сегодня на Филиппинах. Автор при этом подчеркивает не только обособленность индийской диаспоры, но «вживаемость» индийцев в мультикультурную мозаику Филиппин. Одним из доказательств этой вживаемости является пристальное внимание к взаимоотношениям внутри индийской общности в филиппинской прессе. Таким образом, индийская общность воспринимается как неотъемлемая часть населения Филиппин. Нет необходимости подчеркивать важность подобного рода статей для анализа этнической ситуации в связи с отношениями между основным населением и мигрантами едва ли не во всех странах мира и, далеко не в последнюю очередь, в современной России.

Выше говорилось о том, что отличительной чертой многих статей сборника является их многоаспектность. Может быть, в наиболее ярко выраженной форме эта черта проявилась в статье Марот Крисанты Н. Флорес “The Cattle Caravans of Ancient Caboloan (Interior Plains of Pangasinan): Connecting History, Culture and Commerce by Cartwheel”. Она занимает самое большое место по объему и не менее важное по значению в разделе «Антропология, этнология, этнолингвистика», хотя в равной мере может относиться и к истории, культуре, этнографии, экономике. Пользуясь сравнением, использованным автором в подзаголовке статьи, караванная торговля на повозках, запряженных волами, представляет собой некое колесо истории, в этой традиции воплощались и в определенной степени воплощаются культурные и экономические традиции древней области Каболоан провинции Пангасинан (на Лусоне) (они распространялись по Филиппинам в целом). Автор обстоятельно реконструирует основные этапы караванной торговли на повозках с волами еще во времена доиспанского господства. Караванная торговля на волах того времени была, по мнению автора, локальным вариантом караванной культуры, в XIII–XVI вв. распространенной по всему миру, кульминацией развития которой является Великий Шелковый путь. И сейчас традиции караванной торговли на волах, зародившиеся в древней области Каболоан, продолжают существование и занимают свою нишу в рыночной торговле Манилы. Несмотря на все трудности выживания в связи с процессами глобализации, охватившими весь мир, этот вид торговли и образа жизни способствует сохранению этнической идентичности в метрополии.

Несколько слов остается сказать о статьях, посвященных материальной культуре. В статье А.А. Лебедевой «Традиционные суда Филиппин» описываются судостроительные традиции.

Очень профессионально анализируя конструктивные особенности судов разного назначения (грузовые, пассажирские, парусные, военные и т.п.) и сравнивая навигационные модели Филиппин и островов Океании, автор прослеживает культурные связи между ними и выявляет роль Филиппин в процессе освоения и заселении Микронезии. Таким образом, изучение предметов материальной культуры приводит к важным выводам о направлении и характере культурных и этнических связей в бассейне Тихого океана. В этом отношении статья А.А. Лебедевой примыкает к статьям Ю.Е. Березкина и Ю.Ю. Крылова, где та же проблема ставится на уровне мифологических мотивов и языковых заимствований.

К этому же кругу статей можно отнести и статью К. Стоун “The Philippines and Guatemala: A Tale of Three Textiles”, где говорится об изготовлении и особенностях орнамента на изделиях из волокна ананаса (пинья), о тканях, окрашенных в технике «икат», и специфике традиционных манильских шалей (мантон). Все это, конечно, относится к сфере материальной культуры. Однако главная задача автора статьи состоит в том, чтобы подчеркнуть глубинные экономические, культурные, технологические связи Филиппин со странами Европы (Испанией), Азии (Китаем), Южной Америки (Гватемалой). Материал, использованный в статье, рассмотрен в свете широко обсуждаемой ныне проблемы глобализации, и в этом отношении статья К. Стоун перекликается со статьями Л.А. Рида о судьбе коренных народов Филиппин и со статьей о судьбе караванной культуры Марот Крисанты Н. Флорес.

Таково содержание сборника, посвященного проблемам Филиппин, их прошлого и настоящего, с точки зрения истории, филологии, этнографии. Оценки и некоторые замечания по отдельным статьям были сделаны по ходу изложения материала. Сейчас подведу некоторые итоги и выскажу общее впечатление от сборника.

Впервые, во всяком случае в российской филиппинистике, создан сборник, в котором поставлены и освещены проблемы комплексного исследования Филиппин в историческом, филологическом, фольклорно-этнографическом аспектах. Большим достоинством этого труда является его цельность. Многие статьи, посвященные той или иной проблеме, оказались тесно связанными: перекликаются, дополняют друг друга, развивают сходные идеи и положения, иногда в некотором противоречии, что тоже очень важно и говорит о том, что та или иная тема требует дальнейшего изучения и дискуссий.

В целом сборник дает весьма красочное представление о стране, ее прошлом, настоящем, от древних языков и этнических

контактов до современной языковой ситуации и функционирования средневековых институтов в современной жизни, о многообразной этнической и культурной мозаике и широком спектре проблем, которые требуют внимания и усилий со стороны разных специалистов. Конечно, это сборник о Филиппинах и о филиппинцах прежде всего. В этом отношении его название полностью соответствует его содержанию. Но не только. Большинство статей не просто дают информацию о том или ином аспекте истории, культуры, языка или литературы Филиппин, информацию, которую впервые вводят в научный оборот. Профессиональный уровень статей таков, что дает материал для сравнения сходных явлений в других странах и регионах. Иными словами, сборник предоставляет материал для широких сравнительно-типологических сопоставлений.

Многие авторы хотели не просто описать факты исторического, филологического или фольклорно-этнографического характера, но и сделать из них выводы более общего характера (в рамках австронезийской или австроазиатской общности, этнических связей между народами бассейна Тихого океана или сюжетов мирового фольклора и мировых эпических традиций, средневековой истории других стран Востока). Не обойден вниманием и происходящий в настоящее время процесс глобализации — процесс неизбежный, в который Филиппины уже втянуты и который определенным образом отражается в культуре. В этом отношении можно сказать, что многие статьи поднимаются до уровня теоретических обобщений. Сборник по Филиппинам такого масштаба в российской филиппинистике (возможно, и мировой) появился впервые.

Отдельно надо сказать об издании. Сборник представляет собой 4-й выпуск серийного издания Маклаевских сборников. Эта серия с самого начала задумана как в основном русскоязычная, однако издается по стандартам, принятым в международной издательской практике — с фронтисписом, оглавлением и резюме статей на английском языке. В данном выпуске также приведены сведения об авторах на русском и английском языках. Все это, конечно, ставит сборник на уровень международных изданий.

Справедливости ради надо сказать, что сборник не избежал и некоторых редакторских и издательских промахов. В некоторых случаях упоминаемая в статье литература отсутствует в библиографии: на с. 29 есть ссылка на труд П.С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы Екатерины II», изданный в 1787 г., и большая подстрочная сноска о значении этого труда, но в библиографии это название отсутствует. Нет его и в «Библио-

графии петербургской филиппинистики» М.В. Станюкович и Т.И. Шаскольской. Неправильно написаны инициалы профессора, заведующего кафедрой китайской филологии, в состав которой до последнего времени входило отделение филиппинской филологии — Евгения Александровича Серебрякова (С. 47). Второй выпуск филиппинского отделения на с. 48 датируется 1972–1978 гг., а на с. 50 — 1973–1978 гг. На с. 365 схемы 2а и 2б одинаковые, а должны различаться: вместо заявленной схемы инновации в изменениях звуков в языках А, В и С на втором рисунке повторена схема генетических соотношений языков А, В и С. Не раз встречаются повторы авторского текста в обеих статьях С.И. Яценко. Они были бы вполне уместны, если бы статьи печатались в разных изданиях, но в одном сборнике это было делать необязательно — достаточно было бы просто сделать соответствующие ссылки на публикуемые в этом же издании страницы текста. И уж совсем трудно понять, почему во всех шести предложениях на малайском языке имя *Amig* всюду написано по-русски (Амир) (С. 258–259).

Наверное, такие промахи неизбежны в любой объемной публикации. И хотя они не снижают впечатления от сборника, но при внимательном чтении текста отвлекают внимание на ненужные мелочи, и, конечно, лучше бы их не было.

Выше было отмечено, что сборник «*Pilipinas tupa! Филиппины прежде всего!*» как первое в истории отечественной науки собрание статей, всесторонне освещающее культуру и языки Филиппин, является на данном этапе последним достижением в области, которую в целом можно обозначить как «Филиппинистика в России». Теперь, после рассмотрения его содержания, без сомнения, диапазон его можно значительно расширить, уточнив, что он является отражением темы «Филиппинистика в России во взаимодействии и сотрудничестве с международной наукой о Филиппинах». Поэтому выход его в свет — важное событие не только в российской, но и мировой филиппинистике.

Библиография

- Касаткина А.К.* Иллюстративные материалы отдела Австралии, Океании и Индонезии по островам Юго-Восточной Азии // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 277–281.
- Касаткина А.К.* Северный Борнео в фотографиях Альберта Грубауэра // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 130–135.
- Касаткина А.К.* Музейные фотографии как инструмент полевой работы: краткий опыт использования // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2011. Вып. 11. С. 237–256.

- Касаткина А.К.* Музейные коллекции в поле (заметки к программе полевого исследования) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 120–128.
- Касаткина А.К.* Музейные коллекции в поле: поездка в Киау, штат Сабах, Малайзия // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 400–407.
- Рачков Г.Е.* Новый тагалско-русский словарь. СПб.: НП-принт, 2012. Т. 1–2.
- Ревуненкова Е.В.* Конференция “Pilipinas muna!” — «Филиппины — прежде всего!» // Антропологический Форум. 2010. № 12 Online. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_revunenкова.pdf>.
- Ревуненкова Е.В.* Миф, обряд, религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии. М.: Наука, 1992.
- Станюкович М.В.* Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон, 1883–1947) // Советская этнография. 1979. № 1. С. 76–83.
- Станюкович М.В.* О локальности, роли иноэтнических культур и «чужого» языкового материала в эпической традиции. Былины Русского Севера и худхуды севера Филиппин // Рябининские чтения: М-лы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2011. С. 391–394.
- Уварова И.П.* Смеется в каждой кукле чародей. М.: РГГУ, 2001.
- Харитонова В.И., Пассар Л.В.* Обсуждение проблем охраны здоровья на VII съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (Салехард, 28 марта 2013 г.) <<http://www.medanthro.ru/ru/events/item/194-28032013-obsuzhdenie-problem-okhrany-zdorovya-na-vii-vezde-korenykh-malochislennykh-narodov-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka-rf>>.
- Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009.
- Pilipinas muna! The Philippines is a Priority! Conference Program and Abstracts. SPb., 2009.
- Stanyukovich M.V.* R.F. Barton, an Outstanding American Anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940 // Russian-American Links: 300 Years of Cooperation / Отв. ред. Ю.П. Третьяков, Н.А. Александрова. СПб.: Академический проект, 2004. С. 34–49.
- Stanyukovich M.V.* Epic as a Means to Control Memory and Emotions of Gods and Humans. Ritual Implications of Hudhud Among the Yattuka and Tiwali Ifuga // N. Revel (ed.). Songs of Memory in Islands of Southeast Asia. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 167–204.